

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОСПЕКТ КОНФЕРЕНЦИИ «РИТОРИКА ТЕКСТА. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИГРЫ»

Термин "риторика" употребляется в современной поэтике и семиотике в трех основных значениях:

а) лингвистическом - как правила построения речи на сверхфразовом уровне, структура повествования на уровнях выше фразы;

б) как дисциплина, изучающая "поэтическую семантику" - типы переносных значений, так называемая "риторика фигур";

в) как "поэтика текста", раздел поэтики, изучающий внутритекстовые отношения и социальное функционирование текстов как целостных семиотических образований. Этот последний подход, сочетаясь с предыдущими, кладется в современной науке в основу "общей риторики" (Юрий Лотман).

Что связывает «общую риторику» и «неориторику» с античным риторическим наследием? Включенность риторики с ее усовершенствованным категорийным аппаратом в контекст современных научных исследований стало возможным благодаря теории массовой коммуникации, логической теории аргументации и структурной поэтике. Возвращение риторики как НЕОРИТОРИКИ на авансцену современной науки вызвало ряд серьезных методологических вопросов, связанных, в частности, с границей между риторикой и смежными областями, как теория референтности, когнитивная психология или психолингвистика и т.д.

Риторика текста понимается как смысловая интегрированность текста в единый знак (по закону искусства – это знак иконический, изобразительный). В силу того, что Юрий Тынянов называл «теснотой» словесного ряда в стихе, а Роман Jakobson – проекцией оси селекции на ось соединения, поставленные рядом слова образуют в художественном тексте, в пределах данного сегмента, семантически нерасторжимое целое – «фразеологизм». Эта возможность рассматривать текст и любую его значимую часть как особое окказиональное слово была подмечена Борисом Пастернаком (а до него – Потембней):

Что́ ему почет и слава,
Место в мире и молва
В миг, когда дыханьем сплава
В слово сплочены слова?

Если текст на естественном языке организуется линейно и дискретен по своей природе, то риторический текст интегрирован в смысловом отношении. Входя в риторическое целое, отдельные слова не только „сдвигаются” в смысловом отношении (всякое слово в художественном тексте – в идеале троп), но и сливаются, смыслы их интегрируются (Лотман 1996, с. 65). Юрий Лотман возвращается к идее знаковой интеграции на протяжении всего творчества, все теснее связывая ее в перспективе нейросемиотики с континуальной моделью искусства (см. Zenkin 2009).

Семантическими играми управляет тот же интеграционный механизм, ибо игра подразумевает *одновременную* реализацию (а не *последовательную смену во времени!*) практического и условного поведения. Искусство игры заключается именно в овладении навыком *двупланового* поведения. Любое выпадение из него — в одноплановый «серьезный» или одноплановый «условный» тип поведения —

разрушает его специфику. Механизм игрового эффекта заключается не в неподвижном, одновременном сосуществовании разных значений, а в постоянном сознании возможности *других* значений, чем то, которое сейчас принимается. «Игровой эффект» состоит в том, что разные значения одного элемента не неподвижно сосуществуют, а «мерцают». Каждое осмысление образует отдельный синхронный срез, но хранит при этом память о предшествующих значениях и сознание возможности будущих.

Художественные модели представляют собой единственное в своем роде соединение научной и игровой модели, организуя интеллект и поведение одновременно. Игра выступает по сравнению с искусством как *бессодержательная*, наука — как *бездейственная*.

Проблематикой нашей конференции – очередной поэтологической, организуемой в Институте нефилологии и прикладной лингвистики УКВ, – адресуемая всем тем исследователям, кто озабочен проблемами вербальной коммуникации, связанной с увеличением информативной нагрузки текста на линии отправитель-получатель как результата риторической функции. Речь идет о ситуации, когда коммуникация не являет собой адекватную, буквальную передачу, а является генерированием новых смыслов. Ибо риторическая функция – даже структурно доминирующая – не отменяет референтивную функцию, делая ее лишь неоднозначной.

В традиции Романа Jakobson метафоричность и метонимичность – это два риторических полюса, определяющих большие художественно-культурные стили, а их генезис связан с двумя осями, конструирующими языковое высказывание в структурно-семиотической перспективе. Имеется в виду парадигматическая ось селекции/субституции/альтернатиции – «метафоры» и синтагматическая ось комбинации/смежности/линейности – «метонимии». Jakobson пишет:

Речевое событие может развиваться по двум смысловым линиям: одна тема может переходить в другую либо по подобию (сходству), либо по смежности. Для первого случая наиболее подходящим способом обозначения будет термин "**ось метафоры**", а для второго - "**ось метонимии**", поскольку они находят свое наиболее концентрированное выражение в метафоре и метонимии соответственно. (...)

В нормальном языковом поведении оба процесса действуют непрерывно, однако при тщательном наблюдении обнаруживается, что под влиянием культуры, личностных характеристик и языкового стиля говорящий отдает предпочтение какому-либо одному из указанных процессов.

В способах обращения с этими двумя видами связи (сходством и смежностью) в обоих их аспектах (позиционном и семантическом), в их выборе, комбинировании и ранжировании каждый индивид проявляет свой личный языковой стиль, свои языковые склонности и предпочтения.

Рассмотренная здесь дихотомия имеет, как представляется, первостепенную значимость для языкового поведения во всех его аспектах и для поведения человека вообще.

Конкуренция между двумя механизмами поведения - метафорическим и метонимическим - проявляется в любом символическом процессе, как внутриличностном, так и социальном. Так, в исследовании структуры снов решающий вопрос сводится к тому, на чем основаны символы сна и его временные последовательности - на смежности (фрейдовское метонимическое "замещение" и синекдохическое "сжатие") или на сходстве (фрейдовские "тождество и символизм");

(...) Принципы, лежащие в основе магических обрядов, были сведены Фрэзером к двум основным типам: заговоры, основанные на законе подобия (сходства), и заговоры, основанные на ассоциации смежности. Первая из этих двух основных разновидностей

гипнотической магии была названа "гомозопатической" или "подражательной", а вторая - "заразительной магией" (...)

Однако вопрос о двух полюсах все еще игнорируется большинством ученых, несмотря на широкую сферу распространения и важность этого вопроса для изучения любого символического поведения, в особенности языкового, и его расстройств.

(Р. Якобсон, *Два аспекта языка и два типа афатических нарушений* // Теория метафоры, Москва 1990, С. 110-132). <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-90.htm>)

Катахреза как троп в самом широком его понимании по инспирации Романа Якобсона нашла оригинальное и плодотворное применение в описании русского исторического авангарда в типологической перспективе в монографии Иоанны Ренате Дёринг-Смирновой и Игоря Смирнова (И. Р. Деринг-Смирнова, И. П. Смирнов, *Очерки по исторической типологии культуры*, Salzburg 1982). Смирновым последовал и Ежи Фарино, своеобразно транспонируя катахрезу в свои семиологические исследования.

Хиазм же – важнейший термин, как в деконструкции Жака Деррида, так и в феноменологии глаза/тела Мориса Мерло-Понти.

Также исследователи круга «нового историзма» (культурологическая поэтика) во главе со Стивеном Гринблаттом руководствуются в своих работах риторической, а не логической или хронологической структурой. Несмотря на то, что «новые историцисты» чрезвычайно пристально анализируют избранные элементы истории, они пользуются и многими неконвенциональными способами, помогающими им свести эти элементы в когерентное целое: базируясь на игре слов, парадокса, хиазма, демонстрируя, как об этом свидетельствует одно из заглавий ранней работы Гринблатта, - «форму власти и власть формы». Лучшие примеры этой литературной критики прокладывают новые пути в литературоведении, демонстрируют новую форму научной работы, новые способы аргументирования, а даже стимулируют читателей к интеллектуальным играм.

Избранная литература

Р. Якобсон, *Два аспекта языка и два типа афатических нарушений* // Теория метафоры, Москва 1990, С. 110-132). <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-90.htm>
(Przekład polski: Roman Jakobson, *Dwa aspekty języka i dwa typy zakłóceń afatycznych* // R. Jakobson, *W poszukiwaniu istoty języka. Wybór pism*. 1. Wybór, red. nauk. i wstęp M. R. Mayenowa, Warszawa 1989).

Р. Якобсон, *Лингвистика и поэтика* // Структурализм: "за" и "против", Москва 1975)
<http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>

(Przekład polski: Roman Jakobson, *Poetyka w świetle językoznawstwa* // R. Jakobson, *W poszukiwaniu istoty języka. Wybór pism*. 1. Wybór, red. nauk. i wstęp M. R. Mayenowa, Warszawa 1989).

Р. Якобсон, *Заметки о прозе поэта Пастернака*. Пер. с немецкого О. А. Седаковой // Р. Якобсон, *Работы по поэтике*. Вступит. стат. Вяч. Вс. Иванова. Состав. и общая ред. М. Л. Гаспарова, Москва 1987.

Ж. Дюбуа, Ф. Эделин и др., *Общая риторика*, пер. Е. Э. Разлоговой и Б. П. Нарумова, Москва 1986.

Ю. М. Лотман, *Структура художественного текста*, Москва 1970. Jest e-wersja.

Ю. М. Лотман, *Риторика – механизм смыслопорождения*, // Ю. М. Лотман, *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*, Москва 1996. Jest e-wersja.

- Сергей Зенкин, *Континуальные модели после Лотмана* // «Новое литературное обозрение» 2009, № 98. // <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/ze7.html#top>
- Jerzy Faryno, *Паронимия – Анаграмма – Палиндром в поэтике авангарда* // „Wiener Slavistischer Almanach”, Band 21, Wien 1988.
- Jerzy Faryno, *Введение в литературоведение. Wstęp do literaturoznawstwa*. Wydanie II poszerzone i zmienione, Warszawa 1991.
- Ежи Фарино, *Введение в литературоведение. Учебное пособие*, Санкт-Петербург 2004.
- И. П. Смирнов, *Эпическая метонимия* // *Древнерусские литературные памятники. ТОДЛ*, т. XXXIII, Ленинград 1973, с. 175-203.
- А. Маймескулова, *О цветаевской метонимии («Музей Александра III» и «Маяковскому»)* // «Чужбина, родина моя!». *Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой*. Отв. ред. И. Ю. Белякова, Москва 2004, с. 259-264.
- А. Маймескулова, *О цветаевской метонимии («Музей Александра III» и «Маяковскому»)* // «Чужбина, родина моя!». *Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой*. Отв. ред. И. Ю. Белякова, Москва 2004, с. 259-264.
- И. П. Смирнов, *Катахреза*, „Russian Literature” 1986/1, pp. 57–64.
- Александр Шайкин, Анна Majmieskułow, *Языковые игры на страницах летописи в свете риторики текста* // *Teoria literatury w świetle językoznawstwa. Zbiór studiów* pod red. Marzenny Cuzman i Anny Skubaczewskiej-Pniewskiej, Toruń 2011, s. 203-214.
- Повтор в художественном тексте. Powtórzenie w tekście artystycznym*. Pod red. Anny Majmieskułow i Beaty Trojanowskiej, Bydgoszcz 2012.
- Dzieło literackie jako dzieło literackie. Литературное произведение как литературное произведение*, pod red. Anny Majmieskułow, Bydgoszcz 2004.
- Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного*. Отв. ред. Н. А. Фатеева, Москва 2011.